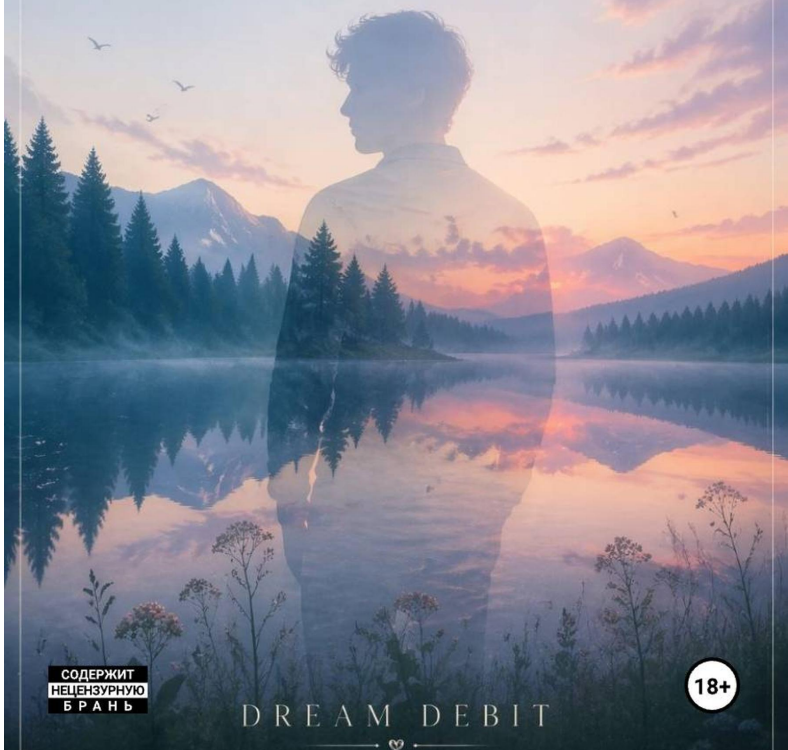

МЕЖДУ НЕБОМ И ТОБОЙ

сборник стихов

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

DREAM DEBIT

DREAM DEBIT

МЕЖДУ НЕБОМ И ТОБОЙ

<https://litres.ru/73897841>

SelfPub; 2026

Аннотация

В этом сборнике тишина говорит громче любых слов.

Здесь море тихо шепчет о любви, закаты нежно лечат раны души, а ветер становится самым верным и ласковым советчиком. Эти стихи — о тех редких, трепетных мгновениях, когда сердце бьётся в унисон с природой, а одно лишь прикосновение взгляда к горизонту заменяет тысячи признаний.

Здесь нет крика и страсти. Здесь только глубокое, трепетное чувство — чистое, как вечерний воздух над водой. Здесь небо становится свидетелем, а тишина — самым нежным объятием.

«Тишина между нами» — это сборник о любви, которая не нуждается в словах, о природе, которая умеет слушать сердцем, и о человеке, который наконец-то научился слышать тишину.

Содержание

На чёрном море я сидел	4
Не стоит вам меня бояться	6
Сон	8
Две души	10
Поэт и Поэтеса	12
2 часть	16
3 часть	21
ИСПРАВИТЬ ЛИЦЕМЕРА	28
То, что мучает меня ночью	34
Тик-так у виска	37
ОДИН У МОРЯ	45
ПРИЗНАНИЯ В САДУ	48
Конец ознакомительного фрагмента.	53

DREAM DEBIT МЕЖДУ НЕБОМ И ТОБОЙ

На чёрном море я сидел

На Чёрном море я сидел
В закатных красках дня и вечера,
Непогодой тихо болел,
Где ветер — строгий мой советчик.
Солнце — верное проклятие,
Горело в медленной тиши,
Как бурное самообладание
В глубинах раненой души.
Я якорь долго там искал
В вечерних гулких нарастаньях,
В безмолвных отблесках зеркал,
В слепых морских очертаньях.
И вдруг — вдали твои черты,
Ты шла неспешно, молчаливо,
Как отражение мечты,
Как тень небесного порыва.
Ты пальцем указала мне,

Сказала слово приглушённо —
И в наступившей тишине
Оно звучало обречённо.
То слово — ластик по листу,
Стирало прошлые границы,
И рушило во мне черту
Между землёй и синей птицей.
Я поднялся вслед за тобой,
Как белый странник без пристанища,
И стал частицей неземной
Твоей задумчивой обители.
Ты — словно скрытая царица,
Не обернувшись мне вослед,
Но вальсом страсти и зарницы
Зажгла во тьме незримый свет.
Я поверил в этот план,
Пусть неконкретный и далёкий,
Где океан и тихий стан
Сливались в шёпот одинокий.
Я влюбился в упокоенье,
В вечерний жар и небеса,
Где мы без лишних объяснений
Судьбу читали по глазам.

Не стоит вам меня бояться

Не стоит вам меня бояться
И чему-то удивляться,
Первой встрече — сомненья,
И словам тихого сравнения.
Безмолвного падения
В делах чудесного хранения.
Вы — как ангел, что с небес,
Я увидел ваш светлый блеск.
В той вечерней тихой глади,
Где мы сидели, не спеша,
Слово, подарившее обещания,
Словно тихое воскрешение.
Дни долгого ожидания,
Медленные, как тишина...
И вдруг — ваш тихий приказ на чай,
И рука под столом — едва слышна.
Лёгкое касание, мгновение,
Тепло, которое не вернуть...
Но настал мой час расставания,
И сердце вдруг сжало грудь.
Как больно расставаться с вами
В этот тихий, поздний час...
И знать, что я увижу снова

Вас — ещё не раз.

Сон

Мне приснился дивный, странный сон:

Как я вдруг стою у церкви,

И слово тихое несу,

Но произнести его боюсь.

В храм Господний я вхожу

И тихонько крест свой несу,

Мелким шагом подхожу,

Ровно, как солдат, стою.

Коль может, не солдат —

А белая берёзка в тот миг...

И руки я, сложив,

Начинаю тихо читать.

Долго я не молился...

А может, и молился —

Не помню, это чудное блуждание.

Но закончил будто в срок

И вышел — словно босоног.

По улице я иду — и вижу страх,

Какой внутри меня... и люди

Кажутся мне с рогами,

Мерзко, гадко улыбаясь.

Парень, то ли девушка,

Меня окликнул —

И подходит: рога торчат, острые,
Чёрные, из головы.
Улыбка скалит мой дивный взгляд,
Мурашки снова тяжело по коже...
Я тихо кричу им в лицо —
Они смеются.
Мучают меня...
Я бегу изо всех ног,
Взглядом быстро перевожу —
То направо, то налево,
Голову повернув,
Словно Бога пытаюсь я увидеть.
И вот закончился тот кошмар.
Я проснулся — дом, постель, и тихо...
Вздохнул
И прошептал:
«Пронесло меня сегодня...
Но буду бдительным и робким».

Две души

Две души, что были так далеки,
И парень, что писал стихи,
В порыве тихого свидания,
Не роскошного — а ожидания.
Принят был белой неглиже,
Снегом белым и пеной нежной.
Две судьбы повстречались на миг,
Будто маленький, странный каприз.
Сердце тихо в груди застучало,
И кровью строки он написал,
Не забыв о признаниях в любви,
О тех свечах, что в ночи зажгли.
В недалёкой пучине мечты
Руки сложены — рядом ты.
Сквозь решётки и чёрно-белый свет
Я остался — и выбора нет.
Я остался, я весь теперь твой,
Не разлучит нас ни мир, ни боль,
Ни корона, ни беда, ни страна —
Если вместе — не страшна тишина.
Я не жалею — и это знак,
С волосами твоими — как мрак,
И с белизной той снежной глубины

Я останусь — среди тишины.
Среди огней, лавин и огня
Нет пути уже без тебя.
И пусть миры рушатся вдаль —
Это больше, чем просто печаль.
Поцелуем тихо, не спеша,
Скрепим страсть, как живая душа.
Я дотянусь — и руку возьму,
И уже никогда не уйду.

Поэт и Поэтеса

В лесу осенних мокрых листьев,

Где дождь холодный моросит,

В безмолвной грусти и тумане

Бредёт один наш тихий поэт.

В пучинах долгих размышлений,

В цепи таинственных видений,

Сквозь боль и странные сомненья

Он ищет свой далёкий свет.

И бормочет что-то негуманно,

В автобусе глядит незванно

На лица чуждые, холодные —

Как будто мир — лишь декорация.

С намёком лёгким на прощанье

Поэт плывёт в пучине сна,

Где мечутся устало взгляды

В далёких сумрачных мирах.

В ближайшей странной той картине

Увидит он внезапно свет —

Как пара в пучине мрака

Друг друга бережно спасала.

Собой от холода укрыла

И тихий, хрупкий поцелуй

Во тьме друг другу подарила —

И мир их стал на миг живым.

Поэт, голову подняв пустую,

Слезу тихонько провёл,
Историю немую крикнул,
Безмолвно — книгу приоткрыл.
Пером тяжёлым, чёрным, грубым
От злости скрипа звук возник,
И, будто в камень, в лист бумаги
Он боль свою навек вонзил.
Громко хлопнув той страницей,
Разверзся в собственной пучине
И в наручниках скитаний
Словно дождик — тихо сник.
Скрыл свой мятежный, страшный лик
Вдали дорожных верных троп,

Среди камней пустых, забытых

Шёл один навстречу вновь.

Навстречу нежеланной боли

И любви признаний след,

Как невидимка, прозрев внезапно,

Он тихо покинул тот свет.

2 часть

В раскатах громовых светил,

В пепле времён, в пучине ничтожества,

Поэт влачит свой долгий путь,

Обернувшись в догмы прошлого.

По улице след свой влачит,

В холодный ветер ночной молчит,

Добирается поэт до дверей —

А там стоит она в пучине стыни.

Слёзы тихонько по щекам пустила,

Дыханье затаив, стоит недвижно,

Молчит в глаза, не просит о помощи,

Стыдясь признаться в том, что гложет.

Дверь, что заклинила сейчас,

Поэт плечом толкнул — она поддалась,

Вошёл он в дом, она шепнула несмело,

Закрывает дверь и пригласила на чай.

Чайник ставит на плиту,

Смотрит молча в пустоту,

Поэт глядит на неё в упор,

Смущая в тесной комнате её.

Она заваривает чай в кружках,

Потупив взгляд, стоит на ногах,

Глаза подняв — пронзает сердце поэта,

Прямо в душу бьёт сейчас, насквозь.

Поэт невольно руку протянул,

Она её не отстранила, не отвела,
Чай горячий в комнате холодной,
Два сердца бьются, глядя друг в друга.
Руки тихонько встретились над столом,
Поэт слегка коснулся — не отпустил потом,
Она улыбнулась робко, словно яркий луч,
И поняла в тот миг — влюбилась в него.
Поэт улыбнулся ей в ответ,
В комнате остался тёплый след,
Где запах двух сердец звучит,
И тихий мотив внутри горит.
Голову склонила к поэту она,
И тишина стала им нужна,

И в этом миге, без лишних слов,
Родилась их первая любовь.
Время шло, как белый кролик,
Поэт всё глубже в ней утонет,
Тихо шептал: «ты лишь моя»,
И таяла она, любя.
Девушка улыбалась в тишине,
Слышался звон в ночной глубине,
Словно что-то в сердце вошло,
И страхи её унесло.
Месяц летит незаметно вдаль,
Поэт и поэтесса — одна печаль,
Ушедшая в прошлое навсегда,

Теперь они вместе — и это судьба.

Ревность и страх он в себе носил,

Но её теплом всё это гасил,

Она решила его сберечь,

И душу его навсегда обогреть.

Минуты тихонько, как вечность, шли,

И два сердца друг друга нашли,

Две души, что встретились в тьме,

Покой обрели наконец в себе.

3 часть

В чистом небосводе громко воет,
Тучи хмурые в вечернем слое,
Тихий плач, как будто без ответа,
Молний свет разрывает небо.
Где поэт и поэтесса рядом
Дарят свой первый поцелуй,
Но уже в этом свете слабом
Зреет трещина — и немой испуг.
Наступает утро без прикрас,
Поэтесса открывает глаз,
Потянулась в пустоту она,
И в груди уже не та весна.

К поэту тихо наклонилась,
Но тепла внутри не сохранилось,
С кровати резко поднялась —
И в тишине ушла сейчас.
На кухне стынет утренний свет,
Вроде есть любовь — а будто нет,
Близость есть, но в ней изъян,
Словно рай обернулся в обман.
Не боится больше потерять,
Но не может больше удержать,
И душа её кричит внутри —
Что-то рушится, горит, горит.
Как буря в море без вины,

Чувства были так сильны,
Но теперь они тлеют тихо,
Словно не было их лихо.
Поэт молчит, не понимая,
Что внутри неё сгорает,
Держит руку, гладит губы —
Но уже они чужие люди.
Дни летят в пучину серых далей,
Ссоры, крики — и слова как камни,
И любовь, что грела их тогда,
Разбивается — и навсегда.
Она собирает тихо сумку,
Без следа уходит в эту тьму,

Как из гнезда уходит птица —

Не оставив даже смысла.

Комнату покинув навсегда,

Едет прочь, где ждут её дома,

Там тепло, и там её укроют,

Но любовь уже не скроют.

И встречает там другого вдруг —

Лёгкий, шумный, будто детский звук,

Он смеётся, день ей освещая —

Сердце тихо отзывается, зная.

Поэт же следует за ней,

Но уже среди чужих теней,

Закрывает дверь своей рукой —

И уходит в мрак немой.

Ревность душу обхватила болью,

Пишет письма, заливая кровью,

Стихи — как крик, как приговор,

Где любовь — уже позор.

«Русые волосы... взгляд твой живой...»

Шепчет он во тьме пустой,

Но внутри лишь пустота

Разрывает всё дотла.

И в отчаянии, в огне,

Он спускается ко дну, во тьме,

Где ни света, ни спасенья —

Только боль и искупленье.

Кости, пепел, кожа, страх —
Он теряет себя в мирах,
Чёрт и дьявол рядом с ним —
Станут эхом, станут дым.
Сердце жжёт, и кровь кипит,
Слово каждое болит,
И любовь, что в нём жила —
Превратилась в пепел зла.
А поэтесса... где она?
Жива — но будто не жива,
Очки разбиты, мир иной —
И любовь ушла с весной.
И тоска её грызёт,

Сердце к поэту рвёт,

Но дорога стёрта в прах —

И остался только страх.

И в тишине она кричит,

Но никто не различит,

Лишь холодный ветер в ночь

Её голос унесёт прочь.

И поэт в огне и боли

Пишет строки

ИСПРАВИТЬ ЛИЦЕМЕРА

В тот дивный день, под шелест школьных клёнов,
Где двор дышал осенней тишиной,
Я брёл один, среди голосов знакомых,
Не зная, что столкнусь тогда с судьбой.
Дождём холодным небо осыпалось,
И ветер нёс простуженный мотив,
А мир, казалось, медленно ломался,
В листве печаль безмолвно растворив.
И вдруг — среди людского зыбкого течения,
Где серый день был буднично суров,
Я увидел незримое мгновенье —
Вас, среди мокрых школьных берегов.
Вы тихо шли, почти не замечая
Ни шёпот дня, ни сумрачный пейзаж.
Ладони робко вместе соединяя,
Хранили свой невидимый мираж.
И было что-то в вашей светлой грусти:
Усталый взгляд, но нежное тепло,
Как будто жизнь, в извечной своей муке,
Сквозь ваше сердце тихо пролегло.
А слёзы — словно дождь в осенней роще —
По щекам текли, как два ручья.
И я стоял, потерянный, промокший,

Не понимая: что со мной? Кто я?
Вы смеялись — и мир светлел мгновенно,
Щёки алели, будто жар зари,
И сердце вдруг забилося откровенно,
Как будто кто-то пламя запалил внутри.
Я понял в миг — нелепо, слишком рано,
Что в этой странной, тихой суете
Мне стало мало воздуха и света,
И я пропал в незримой высоте.
Но я молчал. Ни жеста, ни признанья.
Лишь взглядом провожал издалека.
Как будто страх сильнее был желанья,
И дрогнула невидимо рука.
А школьный звон, как приговор беспечный,
Упрямо резал юные года...
И я ещё не знал, что этот вечер
Во мне останется, возможно, навсегда.
Я жил молчаньем. Станным, осторожным.
Скрывал огонь за тенью серых дней.
Казалось — стоит сделать шаг тревожный,
И рухнет мир, построенный во мне.
Я наблюдал. Упрямо, незаметно.
Как первый снег ложится на дома,
Так вы входили в мысли постепенно,
И сердце приручали без труда.
Но рядом был другой. Смелее, громче.

Он позволял себе касаться рук.
И каждый жест его казался жёстче,
Чем самый беспощадный в мире звук.
Я видел всё. И будто камень в горле
Молчание тяжёлое носил.
Мне становилось тесно в этом городе,
Где я любил — но так и не спросил.
Ревнивый ветер бил в виски устало,
И осень становилась всё черней.
Мне вашей близости отчаянно не стало,
Хотя вы даже не были моей.
Я был готов — нелепо, безрассудно —
За вашу боль весь мир переломить,
С врагами спорить, падать поминутно,
Лишь только бы улыбку сохранить.
Но что сказать? Какими, чёрт возьми, словами
Открыть всё то, что сердце берегло?
Когда стоишь, как мальчик, между снами,
Где счастье рядом — и уже ушло.
И время шло. То медленно, то быстро.
Ползло, как тень по школьным этажам.
То вдруг срывалось бешено и чисто,
Как дождь по перепуганным дворам.
И всё же где-то в шуме киноленты,
Средь детских дней и поздней тишины,
Я верил — может, эти все моменты

Не зря однажды нам были даны.
И вот однажды — тихо, незаметно —
Нас вечер в узкой комнате застал.
За окнами темнело неприметно,
А старый фильм на фоне умирал.
Мы были рядом. Ближе, чем обычно.
И время вдруг утратило свой бег.
Как будто мир, жестокий и привычный,
На краткий миг забыл про тяжесть лет.
Экран мерцал. Чёрно-белые сюжеты
Скользили тенью по твоим глазам.
И мне казалось: все земные беды
Не смогут больше подойти к сердцам.
Ты тихо гладила меня по волосам,
Как будто знала: я давно устал.
И в этом жесте — тёплом, очень странном —
Я целый мир потерянный искал.
Смеялась тихо — так, почти неслышно,
Но этот смех сквозь сумрак проходил.
И становилось на душе не лишним
Всё то, чем прежде я напрасно жил.
Я слушал тишину между словами,
Ловил дыханье в комнате ночной,
И думал: может, всё случилось с нами,
И счастье всё же выбрало покой?
Но сердце — вещь жестокая порою.

Оно не знает меры и границ.
Я был уже не просто рядом с тобою —
Я падал в бездну из твоих ресниц.
И сам не понял, как в груди тревога
Смешалась с нежностью, как тёплый яд.
Когда боишься потерять так много,
Ещё не зная — всё вернётся в ад.
И где-то там, за хрупким этим светом,
Уже сгущалась медленная мгла.
Но мы сидели, спрятавшись от ветра,
Пока любовь безмолвная жила.
Но свет не вечен — даже самый тихий.
Он гаснет там, где слишком хрупок был.
И то, что раньше казалось нам великим,
Становится лишь эхом прошлых сил.
Ты стала дальше. Даже не уходя.
Как будто рядом — но уже не здесь.
И в этом было больше, чем прощанье,
Холодная, невидимая весть.
Я видел, как менялось всё незримо:
Как жесты стали суше, холодней,
Как взгляд твой проходил теперь сквозь мимо,
Не задержавшись больше на моей.
И я молчал. Опять. Как прежде. Снова.
Склонялся в тень несказанных причин.
И каждое не сказанное слово

Становилось тяжелее льдин.

А тот, другой... всё так же был поближе,

Как будто вправе был владеть тобой.

И я всё чаще чувствовал — всё ниже

Сползает мой потерянный покой.

И ревность — не огонь уже, а камень.

Холодный, тяжкий, где-то глубоко.

Она не рвёт — она сжимает память,

И дышится всё хуже и легко.

Я больше не просил и не пытался.

Лишь наблюдал, как рушится внутри.

Как будто мир, что мной когда-то звался,

Сгорел в одном несказанном «прости».

И ты ушла — не хлопнув, не сказавши.

Как будто просто стала дальше вдруг.

И я остался в комнате угасшей,

Где даже тишина теряет звук.

И в этом мире, медленно пустом,

Где всё ещё хранит твои следы,

Я понял: мы не встретились потом —

Мы просто не успели стать «мы».

То, что мучает меня ночью

Родился, как и все, у моря,
Средь дорог, лесов, долей.
Друзей было полно, любви, доли,
И тихий пыл в реках моей.
Но где-то согрешил я в лунном мраке,
Вдоль кровати, утопая,
Страх сковал меня в день и в ночь,
Средь песков желтых, пыльных вееров.
И часы тикали угольно,
Странно пронзив меня.
Мурашки пробежали от ворот,
Я увидел его — Чёрного Человека.
Глаза его омывали меня,
Сквозь окна, двери.
Без лица, без одежды,
Он просто судил меня.
Чёрная вода в его глазах,
Он наклонял голову,
Смотрел упрямо, молча,
Как будто жизнь мою ждал.
Как давление небесное билось в крик.
Я смотрел, не отводя глаз,
Хотя смел был я протереть их,

Но фигура стояла смело.
Будто ждала, мучила меня,
Забирала жизнь, как враг.
И снова страх,
Который я ненавижу,
Волосы на руке мою дрожь,
Стягивая в комок.
Не убил меня он,
Желал только мне сдохнуть.
Крестом тыкал в пустоту,
Долгой мути судьбы.
Молча смотрел он,
И страх первого рода накручивал меня.
Я кричал ему: «Заткнись!»
Но тишина стучалась,
Как гроб у двери,
Где нет сочувствия, лишь пыль.
Я не видел рук,
Что держали прямо.
Молчание его сжимало,
Как сердце еле-еле стучало.
Прислужник дьявола в аду,
Покориться не дамся.
Кричу ему: «Ты сука, ты мразь!»
Он только улыбнулся, без лица,
И я понял — это он.

Но я знаю, он вернётся.
Во мраке комнаты, в тихом голосе,
Ты, боль, ты вечен,
Мой друг, поэт нечистый.
И дно, что так глубоко,
Ждёт меня,
Как жизнь свою.
Я не дамся,
У меня горло будет резать.
Ты сука —
И горечь твоя ярка,
Чем все проклятые дни.
Я пепел распылю по морю,
Чтобы освободиться.
В голове неверно,
Но свободу я простучу.
Страшно дней,
Я свой век,
И как вена на теле —
Не откроюсь никогда.

Тик-так у виска

Тик-так, тик-так —
Часы, будто бьют у виска.
Кто-то стучится во тьме.
Это мой голос — полный мглы.

Он смотрит и шепчет тихо:

— Ну здравствуй, мой друг любимый.
Я снова вернулся за тобой.
И будем играть с немой судьбой.
Я долго ждал тебя здесь,
Чтобы взглянуть тебе прямо в глаза.
Ведь теперь мы с тобой — навека.

Он подходит, не кричит,
Он просто молча говорит.
И, голову склонив во мгле,
Он тихо шепчет мне:

— Ты пишешь так,
Как будто Бог без сна и без укоризны.
Но всё выходит —
Как мелкая блевота в этих стихах.

Ты стараешься, я вижу твой ответ,
Но это вечный вопль внутри.
Кто это примет? Кто прочтёт?
Если ты в комнате один,
Как сорока в пустоте живёшь.

И словно жук навозный
Ты катишь, катишь всё вперёд
Этот шар из говна и палок
В измученных руках своих.

Я не слушаю его.
Он — демон,
Что висит за моим плечом,
Как невымытое пальце во мгле.

Я вижу его лицо —
Отвратительное, живое.

Запах гнили и старых ран
Висит вокруг него.

— Ты слаб,
Но кормишься, как раб.
И как дохлая телега
Смотришь на меня, —

Он шепчет, будто неживой.

Ты — тиканье и мразь.

Ты остался только болью.

Признался вольно —

Кормишь свой страх внутри.

Он мои слова другие

Проглатывает, как тихий визг.

И мрак в комнате

С другого края ползёт.

И шепчет так убого,

Что голос почти упал:

— Ты врешь себе и мне.

Ты лицемеришь так убого,

Мой друг.

Ты как ворон —

Самый грязный на ветвях.

И перья свои

Не омоешь

Даже в воде реки.

За пределами свода доли

Он ходит, словно по рукам,

И волны электрического разряда
Мрачно катятся во тьме.

Я сижу при свете лампы
И смываю этот взгляд с себя.
Но он всё рядом, всё живой,
И кривится в темноте.

Зубы скрежещут, будто дрова,
Ломаются в пустоте.
И этот, долбаный,
Вечно лезет в мой рассудок.

Он живёт — упрямый, жалкий,
И резкий, как удар.

Рука его — как тень без формы —
Бьёт по столу во мрак.
И старая бумага
Молчит, не соврёт никак.

Он сдавливает голову мне,
Словно в тиски берёт,
И пальцами пытается
Выдавить мой крик.

Из глаз течёт нечто странное —
Чёрная боль внутри.
И эта улыбка без тепла
Шепчет мне в тиши:

— Не бойся боли.
Просто верёвку возьми.
По своей воле
На шею её накинь.

И стул сам станет опорой,
И всё решится само.
Без воли, без боли,
Как будто тебе дано.

Я не слушаю этот голос.
Я вырываюсь в ответ.
И ударом в лицо
Разрываю его силуэт.

Он падает на половицы
Моего пустого дома.
Но даже там, внизу,
Он не уходит полностью.

Он бьёт меня в грудь ногой,

И воздух ломается в мне.
Я падаю, задыхаясь,
И кровь идёт по щеке.

Он хватает меня за волосы,
Лицом по полу ведёт.
И каждый удар по телу
Внутри меня рвёт лёд.

Но крик — он пустой и глухой,
Как будто дом без души.
И я уже не уверен,
Где я — и жив ли я в тиши.

Он прижимает меня к стене
И смотрит прямо в глаза.

Он прижимает меня к стене,
И смотрит прямо в глаза:

— Ты врешь себе и мне сейчас.
Ты вынес боль на весах,
И чувство меры потерял.

Я вижу твой дрожащий страх,
Он в тебе, как грязный след.

Открой слои внутри себя —
Там выхода уже нет.

В затемнённых головах
Я буду рядом, как всегда.
С тобой вдвоём,
И до конца.

И полночь бьёт по часам,
И время рвётся пополам.
Ещё немного — и поймёшь,
Что я с тобой и ты не сам.

Он говорит, и мир темнеет,
И стены дышат в унисон.
Как будто всё, что ты скрывал,
Теперь становится огнём.

И на столе лежит листок —
Белее снега и пустой.
Как будто правда без прикрас
Пришла забрать тебя с собой.

И будто чьей-то злой рукой
На нём выводится строка:

— Мне не больно. Мне легко.
Я просто слышу голоса.

И шёпот этот рвёт внутри,
Как будто ломится стекло.
И ты уже не знаешь сам,
Где правда, а где зло.

И ад, и рай — теперь внутри,
Они слились в один поток.
И выбор режет изнутри,
Как самый острый из клинков.

Я не хочу ни в свет, ни в тьму,
Я просто стою на краю.
И этот голос говорит:

— Остайся. Я тебя веду.

И ад, и рай — не разделить,
Они теперь в одной петле.
И я стою, и я живу
В этом безумном, чёрном дне.

ОДИН У МОРЯ

На Чёрном море я сидел,
И вдаль задумчиво глядел.
Сидел и думал о судьбе,
О глупой, странной тишине.

Как солнце тихо на закате
Тонуло в алом, мутном взгляде.
Без всякой причины и тоски
Шептали ветры у реки.

И долгой белой пеленой
Мне в виски ложился зной.
Пером и терпким синим вином
Я спорил молча сам с собой.

Словно всё заодно вокруг —
И море, и потерянный друг.
Бокалы тихо наливались,
Стаканы треском разбивались.

И море, в простоте немой,
Шептало будто бы со мной.
Как воробей среди ветвей,

Терялся след прошедших дней.

Я виноват — я сам себе
И враг, и суд в своей судьбе.
Молитвы вешал на весах,
И мохом стыл на всех ветрах.

Эх, осень... долго мучит взгляд.
Я так устал от старых ран.
Как бесы тянут прямо в ад,
Где боль играет, словно бас.

Устал смотреть в одно окно
И думать только про вино,
Про это проклятое дно,
Где всё решилось уж давно.

И вроде дождь, и солнце, свет,
Но в сердце — будто жизни нет.
Весна с тобой была одна,
Теперь осудит нас она.

И так порою тяжело,
Как старой галоше — всё равно.
Внутри трепещут воды дней,
Морей, ветров и кораблей.

А может, долгих одеял
Мне не хватало среди скал?
И крик мой глушит тишина,
Как волны бьются в берега.

И вот сейчас, среди праха дней,
Я вижу облик всё ясней:
Весна ушла в жасмин цветов —
С той девушкой из тихих снов.

Эх, Еся, давай без тихих снов.
Как жизнь, данную тобой,
Я покорный, я простой.

ПРИЗНАНИЯ В САДУ

В саду у дома, где пруд недвижим,
Где ветер вечерний над листьями стылым,
Я тихо сидел, одинок и томим,
Под небом далёким, печальным и синим.

Лавочка — старая, влажна, сыра,
Как память о днях, что ушли без ответа.
И дым сигаретный вился у двора,
Как будто бы грёзы прошедшего лета.

Берёзы стояли, склоняясь во мгле,
И спички дрожали в усталых ладонях,
А мысли мои, как дороги в земле,
Терялись в железных, далёких перронах.

И первая, сильная только любовь
Так рвалась из сердца тревожно и больно,
Как будто бы лава горячая вновь
Из недр поднималась тревожно, невольно.

И в бреде больном, утомлённом тоской,
Я плыл, словно в лодке, сквозь ветер туманный,
И голос шептал мне: «Постой, дорогой,

Не всё ещё в мире погибло неожиданно».

Зажигалка в доме ещё не горит,
И зубы не стынут под ветром тревожным,
Ты будто солдат, что устало молчит,
О прошлом своём вспоминая острожно.

То были, быть может, далёкие дни,
Когда прозрачна была вся листва,
И волком лесным пробирались они —
Те чувства, где боль оставалась лукава.

И запах табачный, и старый цветок,
И лестница в небо сквозь сумрак осенний,
И солнечный свет, будто чёрный ожог,
Ложился на сердце без слов и спасений.

Увидел её я однажды весной,
Когда ещё капель звенела устало,
И травы зелёной, живой, молодой
Дыханье мне душу и сердце ласкало.

И красная роза, как тихая грусть,
Листвой рассыпалась над полем зеркальным,
И я, признаюсь, той тоскою томлюсь,
Как музыкой старой, глубокой, печальной.

Как нота дрожит у усталых перстов,
Когда пианист вспоминает былое,
Так память моя среди сумрачных снов
Несла мне дыхание неба чужое.

И липа склонялась куда-то во тьму,
И чай не спасал от вечерней печали.
Она оказалась подобна письму,
Которое мне никогда не прислали.

Высока и красива, немного полна,
Но мила была сердцу, как тихая сказка.
Я думал — навеки лишь только одна,
И верил в её неземную подсказку.

Глядел я ей вслед, как пленённый судьбой,
Но вырваться сердцем уже не умел я.
И музыка в мыслях жила надо мной,
Как старая пластинка в кругу карусели.

И свечка белела фиолетовым сном,
В круженье нелепого, странного вальса,
А я всё мечтал — только быть бы при том,
Где голос её надо мною остался.

Весенний воробушек, серый слегка,
Казался мне вестником нежной печали,
И мало мне было её ветерка,
Её тишины, что меня укрывали.

И девочка тихо махала рукой,
Так будто бы в небо легко улетала,
А запах её — молчаливый, простой —
Во мне, как весенний туман, оставался.

Вы были мне светом в глухой темноте,
Как звёзды дрожат над дорогой ночью.
Художник без кисти, в немой пустоте,
Я образ хранил, ослеплённый мечтою.

Как странная, тихо сияя, звезда,
Вы светом своим мои думы пленяли.
И словно монета среди дождя,
Вы редко, но всё же в душе возникали.

Ты, юла золотая, кружись надо мной,
Неси меня дальше — в поля и деревни,
В далёкие дали, где ветер ночной
Поёт о любви бесконечной и древней.

Но сердце закрылось, устало любя,

И боль не ушла, как бы я ни старался.
Когда бы не мог я любить, не скорбя,
Наверно, собою бы всё же остался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.